

В начале тридцатых годов на лицевой стороне советских монет помещался герб СССР, окруженный лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Начало и конец лозунга разделялись черточкой. На оборотной стороне — изображение рабочего-молотобойца, надпись «Союз Советских Социалистических Республик», цифры номинала в копейках и дата чеканки: 1931, 1932, 1933, 1934.

Цифры получились сравнительно малыми и незаметными, и вскоре рисунок оборотной стороны был признан неудачным. Работникам Ленинградского монетного двора дали задание срочно переделать внешний вид монеты. Автором нового изображения оборотной стороны — с квадратным щитом и крупными цифрами номинала — стал помощник главного медальера Монетного двора художник и скульптор Владимир Владимирович Голенецкий.

Монеты изготавливались из белого медно-никелевого сплава достоинством в 10, 15 и 20 копеек. Они чеканились с 1935-го по 1941-й и с 1944-го по 1960 год в Ленинграде, а в 1942 — 1946 годах, во время эвакуации Монетного двора, — в уральском городке Краснокамске. Этот так называемый «тип 1935 — 1957 годов» был сменен при обмене денежных знаков в 1961 году. В 1941 году было выработано и несколько 50-копеечных экземпляров такого же типа. По-видимому, ввиду начавшейся Великой Отечественной войны они не были пущены в серийное производство.

Занимаясь историей чеканки и обращения советских монет в конце шестидесятых годов, я встречался с несколькими старыми сотрудниками Монетного двора и в том числе с Голенецким.

По моей просьбе он написал несколько страниц воспоминаний о работе на заводе. В моем личном архиве сохраняется их текст, перепечатанный мной на машинке и подписанный Владимиром Владимировичем 1 декабря 1970 года (он скончался 6 апреля 1976 года).

Вот эти воспоминания, сопровождаемые моими комментариями.

М. ГЛЕЙЗЕР

Я родился седьмым ребенком 8 апреля 1906 года в городе Зайсане Семипалатинской области на китайской границе, где в то время мой отец Владимир Николаевич работал управляющим таможенной. В 1912 году мы переехали на германскую границу в город Тауроген. В 1914 году в первый день объявления войны бежали от немцев в город Казань, где я учился в коммерческом училище. В 1917 году отец получил назначение в Самаркандскую таможню на границе с Бухарой (Бухарское ханство с 1868 года входило в состав Российской империи на правах вассального государства. — М. Г.). После Октябрьской революции он был выбран комиссаром этой таможни, о чем я узнал в 1937 году, когда мать прислала мне заверенную справку об этом из самаркандского архива.

Владимир ГОЛЕНЕЦКИЙ ВОСПОМИНАНИЯ МЕДАЛЬЕРА

Летом 1918 года отец умер от туберкулеза, мать стала работать в театре артисткой, а я, получив полную свободу, проводил время в Старом городе среди живописной толпы, мазанок и старинных мечетей.

В 1919 году я стал ходить в Художественную школу, открывшуюся в то время в Самарканде, и с ней на лето уехал за город в одно из конфискованных поместий, где была организована художественная коммуна. По возвращении в город я уже серьезно занялся рисованием и ходил на зарисовки в Старый город, старинные мечети Шахи-Зинда, Биби-Ханум и другие, а также на ба-

зары и в кишлаки. Скульптурой я начал заниматься, когда у нас появился застрявший в России скульптор чех Карл Карлович Соучек, от него я получил первые знания о лепке вообще, лепке прямо из гипса и о формовке. Позже я узнал, что в Ашхабаде (в то время Полторацк) в ведении политотдела 1-й армии существует «Ударная школа искусств». Оформившись добровольцем в армию, я был откомандирован в эту школу. Кроме занятий по рисунку и живописи, мы ездили делать росписи в казармах Туркестанского военного округа в пограничных с Персией (теперь Иран) районах, а также в крепости Кушка на афганской границе. С переходом школы в ведение отдела народного образования она стала именоваться Школой Искусств Востока.

Это был период занятий и этюдов в окрестных кишлаках и Фирюзинском ущелье (дорога в Иран). Кроме того, нам был предоставлен вагон для поездки по краю для зарисовок. Мы побывали на Безмеинском подземном озере, Соленом озере (грязевый санаторий), в горном селении Нухур, Нефтедаке (в то время — песчаные дюны и две полуразвалившиеся вышки), заливе Кара-Богаз-Гол на Каспийском море и в Красноводске с его портом и «городским садом» из двух саксауловых кустов и двух скамеек возле них.

Возвращаясь в Ашхабад, мы в Красноводске погрузили в вагон алебастр для скульптурной резьбы и для изготовления гипса. Глину мы в предоставленном нам вагоне привезли из Самарканда с горы Чабан-Ота на берегу реки Зеравшан.

С этого времени мы могли заниматься скульптурой — как резьбой по камню, так и лепкой.

В 1923 году мы всей школой поехали через Красноводск по Каспийскому морю до Баку и дальше через Ростов-на-Дону до Москвы. В столице мы расписывали Туркестанский павильон на сельскохозяйственной выставке, а в свободное время осматривали тогдашнюю столицу с ее Сухаревкой и Охотным рядом, где можно было купить живого зайца или лису и всевозможных птиц. По окончании работы на выставке мы занялись осмотром московских музеев.

В 1925 году я и несколько товарищей взяли за изготовление пяти карт бывших колониальных владений по сорок квадратных метров каждая и на полученные за это деньги уехали в Ленинград поступать в Академию художеств.

Я держал экзамен на скульптурный факультет. На лепку было дано три

В. В. Голенецкий

дня, лепили полуобнаженную женскую фигуру, и столько же времени дали на рисунок — рисовали Венеру Милосскую.

Экзамен я сдал и был принят на скульптурный факультет. При выборе специальности на третьем курсе выбрал медальерный класс. Медальерное дело преподавал А. Ф. Васютинский¹. Осенью 1930 года я окончил Академию художеств и стал работать на Монетном дворе, поскольку был его стипендиатом: первые четыре месяца — как стажер, знакомился с производством и с копировальной машиной «Жанвье», гравировал штемпель по стали с медали Шаплену. Эта медаль — «Аллегория Франции» — многопланова: первый план — женская голова, второй — дуб с веткой над женской головой, третий — вид на реку Сену с мостом через нее, четвертый — дальний вид Парижа.

¹ Антон Федорович Васютинский (1858 — 1935) окончил Академию художеств в 1888 году. Работал на Монетном дворе с 1893 года. 27 октября 1908 года Академия художеств присвоила ему звание академика. С 1922 года — управляющий медальерной частью завода, с 1935-го — художник-консультант Монетного двора.

жа. Дело в том, что Васютинский по окончании Академии художеств получил заграничную командировку и с 1889-го по 1893 год занимался в Париже у медальера Шаплену.

В дальнейшем я работал медальером и помощником главного медальера завода вплоть до смутного 1937 года, когда попал в список из девятнадцати человек, увольняемых «по сокращению штатов» с Монетного двора: вспомнили строку о польских родственниках за границей в анкетах, заполненных мною в 1928-м и 1930 годах, — замужняя сестра в Польше и брат-эмигрант где-то в Европе.

Примерно в 1932-м или 1933 году я, в то время помощник главного медальера Монетного двора, получил из Москвы существовавший тогда образец ордена Ленина. Выглядел он так: барельеф на фоне заводских труб и трактора, изображение обрамлено колосьями, внизу надпись «СССР». Изготавливался он в Москве из пустотелой серебряной пластины, с тыльной стороны к ней была припаяна планка с винтом.

Монетному двору было предложено представить новый образец. Мне было известно, что над проектом работает ряд художников в Москве и в Ленинграде, но орден все не утверждался. В конце концов директора Монетного двора и Васютинского вызвали в Москву. Они были на приеме у Сталина в присутствии Ворошилова и других.

— Почему до сих пор не можете сделать хорошего образца ордена Ленина? — спросил Сталин.

— Нам на изготовление образца дают только три дня, — объяснил Васютинский.

— Сколько вам надо?

— Месяц.

— Хорошо.

После этого разговора

Васютинский предложил Сталину сделать с него портрет, но Сталин только рукой махнул, тогда Васютинский возмущенным тоном заявил: «Как вы смаете отказываться!». И после небольшой паузы заявил под аплодисменты присутствовавших: «Ведь вы не ваш — вы наш!». После той беседы тогдашний нарком финансов Г. Ф. Гринько назначил Васютинскому персональный оклад.

Васютинский сделал лепку ордена, с нее получили гальванопластическую модель и поставили ее на копировальную машину. Размер ордена Васютинский установил лично и проверил на машине. С копировальной машины сняли маточник — уменьшенное изображение ордена в заданную величину на стальной поковке. Васютинский его прошел (техническое выражение. — М. Г.), а когда передавал мне для закали, я случайно уронил его, и на щеке Ленина образовалась мелкая забоина. Я, как и граверы, не придавал значения этому: устранить такой дефект в форме — дело десяти минут. Но Васютинский решил подстраховаться и заявил в заводоуправлении, что я испортил маточник и что ему нужно дополнительное время. Мне объявили выговор «за срыв работы». На следующий день выяснилось, что Васютинский взял меньший размер, чем установил Сталин, и директор приказал получить с модели маточник большего размера мне. В Москву были посланы два образца ордена: Васютинского и тот, что получил с машины и проходил я.

Москва утвердила второй. С меня, конечно, выговор сняли. А орден с этого времени стали делать из золота, так как Сталин сказал: «Если отправляем вагонами золото за грани-

цу, то можем оставить себе несколько пудов».

То, что кто-то потом внес поправки в портрет Ленина на ордене, как и я при прохождении маточника, по моему мнению, не является правом на соавторство...

Мне было также предложено представить новый проект ордена Трудового Красного Знамени.

Представленный мной рисунок одобрил А. С. Енукидзе¹ но с неприятной для моего самолюбия пометкой: «не „соединяйтесь“, а „соединитесь“». По этому рисунку был сделан и утвержден образец, после чего Монетный двор запустил орден в серийное производство...

Из Москвы была прислана и фотография центральной части ордена Красной Звезды — фигура красноармейца, увеличенная в десять-двенадцать раз. На фотографии фигура красноармейца в положении «К бою — готовься» выглядела неправдоподобно и неграмотно. Мне было поручено переделать ее. Я отыскал в соседней воинской части стройного красноармейца и вылепил его с натуры в нужном положении, а затем уменьшил изображение до необходимого размера на стальной поковке и передал для гравировки и вырезания звезды, а также набивки на ней надписи...

Однажды (в 1934-м или 1935 году. — М. Г.) меня вызвали к директору (в то время И. В. Балашов), у которого сидел главный инспектор Народного Комиссариата финансов Хволес. Мне было сказано, что Сталин недоволен существующей монетой досто-

инством в 10, 15 и 20 копеек (фигура рабочего и щит с изображением цифры) и что монета должна быть красивой и настолько четкой, чтобы и слепой мог ее «читать». При этом лицевую сторону надо было сохранить.

Мне было предложено представить новые рисунки. Из представленных мною рисунков были рисунки с отверстием посередине монеты, чтобы их можно было носить на веревочке (возможно, эта идея родилась под влиянием рисунка, утвержденного для жетонов Московского метро образца 1935 года, чеканившихся с отверстием в центре, согласно техническим требованиям опытных турникетов для прохода людей. — М. Г.). Однако этот вариант сразу отпал, так как кто-то сказал, что будут острить, будто «наши деньги с дыркой». Были рисунки с годом, заключенным в круг. Был и такой: квадратный щит с цифрой, на его фоне изображена дубовая ветка, а внизу год (по этому рисунку были сделаны образцы, вскоре утвержденные и пущенные в производство). Были варианты с вогнутыми и рифлеными цифрами и буквами, а в утвержденном эскизе они стали выпуклыми. Изготовленные образцы, укрепленные на картоне, послали в Москву. Утверждали их, видимо, семь инстанций — судя по количеству подписей. Последнюю подпись — букву «С» карандашом поставил Сталин.

Когда Монетный двор напечатал (технический термин, вместо «отчеканил». — М. Г.) достаточное количество этой монеты, чтобы удовлетворить потребность банков всего Советского Союза (это утверждение неверно, так как для подобной работы потребовалось бы не менее двух лет. — М. Г.), мною совместно с П. В. Латыше-

¹ Амель Сафронович Енукидзе (1877 — 1937) — секретарь Президиума ЦИК СССР в 1922 — 1935 годах. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

вым¹ было сделано описание ее и послано во ВЦИК СССР для издания закона об образце монеты.

Но через несколько дней из Москвы поступило распоряжение прекратить чеканку.

Из Москвы приехал заместитель наркома финансов Маргулис, и было созвано расширенное совещание всей администрации Монетного двора с присутствием главного медальера и всех начальников, вплоть до мастеров. Был на нем и я. Прежде всего Маргулис обратился к Васютинскому: как могло случиться, что на монете нет надписи «СССР»? Тот ответил, что он в это время болел и что это его помощник, то есть я, проштрафился.

Тогда заместитель наркома с этим же вопросом обратился ко мне. Я сказал, что, во-первых, подавал рисунок Хволесу с надписью «СССР» и без нее и, во-вторых, не считая, что необходима надпись «СССР», так как на монете есть наш герб и что на царской монете, английской, польской и прочих тоже нет названия страны, а только национальный герб.

Но с моим объяснением не согласились, и нами была введена надпись «СССР» — ниже герба вместо черточки, разделя-

ющей начало и конец лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Этот образец послали в Москву. Но и он не был утвержден, так как Сталин приказал убрать лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и оставить только герб и аббревиатуру «СССР».

Когда новый образец был, наконец, утвержден и началось печатание новой монеты, вдруг с монетных переделов стали поступать жалобы, что наши штемпеля лопаются как орехи при первых ударах печатного станка.

Васютинский и мастер Алексей Михайлович Иванов без конца совещались по этому поводу, но меня не спрашивали и со мной не советовались. В конце концов меня вызвал коммерческий директор П. А. Пирогов¹ и спросил: «Как же так получается, правительство утвердило монету, а теперь Васютинский заявляет, что надо менять рисунок, так как при этом рисунке штемпеля все равно будут лопаться?». И поручил мне заняться этим вопросом как автору монеты.

Я взял по монете с нескольких станков, распилил их и убедился, что центральная их часть тоньше листа бумаги и что, следовательно, оба штемпеля (верхний и нижний) имеют слишком большую «опупину» — выпуклость.

С гравером Петром Ильичом Аверьяновым мы ликвидировали этот недостаток на маточниках (первоначальный инструмент. — *М. Г.*) и с исправленных маточников получили десять пар штемпелей.

¹ Петр Абрамович (Аврамович) Пирогов был директором Монетного двора с 1935 года, во время эвакуации завода в середине 1941 года переведен вместе с ним в Москву. Затем работал заместителем начальника Управления Гознака.

После закалки штемпелей мы с мастером установили их на печатные станки и запустили на все тридцать тысяч ударов (современные штемпели выдерживают до ста тысяч ударов. — *М. Г.*), положенных для них. Ни одна из десяти пар за тот час, что мы наблюдали за ними, не треснула. Взяв горсть монет, мы сперва пошли к директору Монетного двора и доложили об этом, а потом вместе с ним — на общее собрание завода, где обсуждался вопрос о простоях Монетных переделов и невыполнении плана из-за недоброкачества штемпелей. В это время как раз Васютинский убеждал собрание, что рисунок этой монеты не годится и что его нужно менять. Выступивший после него директор сообщил, что установленные на печатных станках штемпеля, исправленные Голенецким, уже несколько часов работают, и ни один штемпель не треснул...

После увольнения в 1937 году я некоторое время жил случайными заработками, за моими плечами к тому времени уже были, кроме перечисленного, двухсторонние медали «Штурм Зимнего дворца» диаметром 65 мм и «Сталин» диаметром 61 мм (этот рисунок был использован также для книги «Вопросы ленинизма»), односторонняя медаль «Ворошилов», односторонние медаль и плакетка «Киров». Выполнил я и заказные изображения: «Ленин на броневике» (на фоне знамен) для книги «История гражданской войны», «Памятник Ленину у Финляндского вокзала» — по заказу Кировского завода для рукоятки перочинного ножа, медальоны «Античная голова» и «Олени» — по заказу Завода пластических материалов.

К моменту моего увольнения были также готовы, но не закалены штемпеля:

«Киров» (профиль и трупкарта) и плакетка «Пушкин». С профильного слепка «Кирова» Эрмитаж сделал гальванопластикой два экземпляра медали для собственной коллекции и для музея С. М. Кирова.

В каталоге «Советские памятные медали» (Ленинград, 1968) мне непра-

вильно приписано авторство медали № 14 «100-летие Ленинградского технологического института».

При мне на Монетном дворе чеканили также монгольские¹ и тувинские монеты. Случаев использования старых монетных штампов (с другой датой года, не соответствующей

календарному году чеканки монет) при мне не было².

С 1939-го по 1946 год я был на военной службе, воевал и в финскую и в Отечественную. С 1946-го по 1966 год работал скульптором-реставратором, с 1966 года пребываю на пенсии.

¹ Монетный двор неоднократно выполнял заказы иностранных государств по чеканке монеты: персидской — в 1922—1923 годах, монгольской — в 1925—1927, 1931 и 1938 годах. Сообщения об этом помещались в ленинградской печати.

² Это ответ на мой вопрос, контрольный, заданный с целью установить, можно ли верить отчетам Монетного двора о чеканке монет в определенные годы со сведениями о количестве монет с такими же датами изготовления. Дело

в том, что Монетный двор зачастую чеканил монеты с несоответствующей датой года. О таком «обычае» Монетного двора писал крупнейший советский нумизмат-ученый И. Г. Спасский в статье «Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914—1917 годов» (сборник «Нумизматика и сфрагистика», выпуск 3, Киев, «Наукова думка», с. 140): «Вообще же монетный двор мало волновало соответствие выбиваемых на монетах дат времени их чеканки». На такой же вопрос гравер Александр Ва-

сильевич Харитонов (1895—1973), работавший на Монетном дворе с 1924-го по 1953 год с перерывом в 1941—1944 годах и (одновременно с В. В. Голенецким) в 1930—1937 годах, ответил, что при нем были случаи использования штампов с датой года, не соответствующей календарному году чеканки монет. Ответ на данный вопрос наглядно показывает разницу между медальером, занимавшимся художественным делом, и гравером, зачастую непосредственно изготавливавшим монеты.